

Л. А. САПЧЕНКО

«НАВЕКИ ТВОЙ, Н. КАРАМЗИН»
НЕИЗДАННЫЕ ПИСЬМА Н. М. КАРАМЗИНА
К Е. А. КАРАМЗИНОЙ*

По мне, в предметах чтения нет ничего более занимательного, более умильного, чтения писем, сохранившихся после людей, имеющих право на уважение и сочувствие наше.

П. А. Вяземский

«Переписка Николая Михайловича Карамзина является, без сомнения, одной из важнейших частей его литературного и научного наследия и первостепенным по важности источником по истории духовной жизни русского общества на протяжении четырех десятилетий его стремительного интеллектуального и социального развития. Между тем мы едва ли найдем другой памятник подобного же значения, который был бы до такой степени обойден издательским и исследовательским вниманием», — отмечал В. Э. Вацуро.¹

Чтение писем Карамзина способствует преодолению мифов в пользу научного знания, показывает Карамзина как литератора и

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ. Проект № 12-14-73000/12. Приношу искреннюю благодарность А. О. Дёмину и Л. Ф. Семеновой за помощь в переводе французских фрагментов.

¹ Из неизданных писем Карамзина / Публ. В. Э. Вацуро // Русская литература. 1991. № 4. С. 88.

историка, друга и семьянина, гражданина России и человека мира, «верноподданного царя русского» и вполне независимой, внутренней свободной личностью, приоткрывает мир его души. Вместе с тем значительная часть карамзинского эпистолярного наследия еще не опубликована.

В Научно-исследовательском отделе рукописей РГБ хранится подборка писем Н. М. Карамзина к Е. А. Карамзиной (урожд. Колывановой). Письма датированы 1805, 1812 и 1816 гг., некоторые из них не имеют даты.²

В томе «Неизданных сочинений и переписки» Н. М. Карамзина³ были помещены (с купюрами) письма 1816 г., отправленные к Екатерине Андреевне в Москву из Петербурга, где историограф ждал царской аудиенции для решения вопроса о печатании первых восьми томов «Истории государства Российского». Более ранние послания (из Москвы и Твери) либо никогда не печатались, либо публиковались лишь в отрывках (письма 1812 г.). Между тем они не только существенно дополняют картину эпохи, но и позволяют живее представить личность и мировоззрение писателя, услышать его подлинный голос.

К Е. А. Колывановой (1780–1851), внебрачной дочери князя А. И. Вяземского,⁴ Карамзин посватался, овдовев в первом браке. 2 декабря 1803 г. он писал брату Василию Михайловичу: «Между тем, сообщаю вам две новости: первая то, что император пожаловал мне пенсией, в год по две тысячи рублей, и сделал меня историографом; а вторая то, что я женюсь на милой девице Екатерине Андреевне Колывановой. Вы, без сомнения, и в том и другом возьмете братское участие».⁵ Таким образом, в жизни Карамзина совпали два важнейших события.

² РГБ. Ф. 488. К. 1. Ед. хр. 1. Письма Н. М. Карамзина к Е. А. Колывановой см. в Приложении. Все ссылки на письма Карамзина к ней (кроме специально оговоренных) даются по этому шифру с указанием номера листа в тексте.

³ *Карамзин Н. М. Неизданные сочинения и переписка.* СПб., 1862. Ч. 1. С. 141–182.

⁴ А. И. Вяземский (1750 или 1754–1807) — государственный деятель, князь, отец П. А. Вяземского. Екатерина Андреевна получила свою фамилию от старого русского названия города Ревеля — Колывань, где она родилась.

⁵ Атений. 1858. № 20. С. 253.

Недатированные послания (в архивной папке их восемь) написаны, скорее всего, именно в конце 1803 г., когда Екатерина Андреевна была невестой отправителя. Об этом можно судить по выбору языка (французского, в соответствии с этикетом того времени), по содержанию писем, по самой их стилистике и интонации.

Подборку писем предваряет записка Карамзина к князю А. И. Вяземскому:

Je voudrais vous parler à coeur ouvert et vous consulter sur un affaire important pour le bonheur de ma vie; c'est que je compte beaucoup sur votre bonté et amitié pour moi: ai-je tort? — Je vous prie donc, mon Prince, de me dire, quand je pourrais venir chez vous.⁶

Перевод:

Я хотел бы откровенно поговорить с Вами и посоветоваться о деле, важном для счастья моей жизни; то есть я весьма рассчитываю на Вашу доброту и дружбу ко мне: разве я неправ? — Поэтому прошу Вас, князь, сказать мне, когда я мог бы прийти к Вам.

На обороте ее красная сургучная печать с гербом Карамзиных и надписью «Князю Андрею Ивановичу».

Эти недатированные письма похожи на ежедневные утренние сообщения о проведенной ночи, о самочувствии, о здоровье маленькой Софьи,⁷ дочери Карамзина от его первой, рано умершей жены Елизаветы Ивановны (урожд. Протасовой), о планах. Но главное — они передают ощущение полного и безмятежного счастья, упоение любящего сердца, желание растопить величавую сдержанность своей возлюбленной.

Возможный вопрос, являются ли эти послания литературным фактом или же человеческим документом, был бы, думается, не вполне корректным. С одной стороны, они имеют глубоко личный, интимный характер. Заклучая в себе тайну двух сердец, они не были рассчитаны на публичное чтение, не распространялись в списках, даже не цитировались биографами Карамзина. С другой — сама форма выражения искреннего чувства порой соотносится в письмах, наполненных нежными заклинаниями и уверениями, с книжными, литературными образами.

⁶ РГБ. Ф. 488. К. 1. № 1. Л. 4.

⁷ Карамзина Софья Николаевна (1802–1856).

Кажется, после писем кавалера Сен-Пре к Юлии ни один влюбленный почитатель Руссо уже не мог избежать влияния французского писателя в своих обращениях к предмету обожания. Нет сомнения, что строки карамзинских писем исходили из самой глубины его любящего сердца, но нередко используемые им словесные формулы заданы были литературным источником: «Croyez-moi, chère et tendre Julie, croyez en ce coeur sensible qui ne vit que pour vous...» или «Charmante amie de mon coeur, vivons pour nous aimer, et que le Ciel dispose du reste»⁸ и др.

Любовные формулы Карамзина имеют книжный оттенок, однако они идут от чистого сердца и заимствованы из литературных произведений Руссо, с которыми, как отмечает Н. Д. Кочеткова, «оказывался неотъемлемо связан и принцип искренности».⁹

Остальные письма имеют датировку и относятся уже к периоду семейной жизни Карамзиных. Между ними установилось абсолютное доверие и взаимопонимание. «Я, по домашним обстоятельствам, совершенно счастлив. Катерина Андреевна так добра и мила, что мудрено вообразить жену лучше ея в каком-нибудь смысле»,¹⁰ — пишет Карамзин брату Василию Михайловичу 26 марта 1805 г.

Супруги поклялись никогда не расставаться, но четырежды им пришлось нарушить обещание. В первый раз — в 1805 г., когда молодая жена историографа отправилась вместе с отцом, князем А. И. Вяземским, братом по отцу П. А. Вяземским и своей маленькой падчерицей Софьей в Петербург. Дома остались Николай Михайлович и годовалая малышка Наташа, трепетно любимая отцом. Письма Карамзина к супруге представляют собой истинную поэму страстной любви в разлуке. Первое датировано 3 августа, последнее — 21 августа 1805 г. Всего их семь. Написаны они в основном по-французски, с русскими вставками.

⁸ *Rousseau J.-J.* Œuvres complètes. Paris, 1826. Т. 8. P. 87, 281. *Перевод:* «Верьте мне, дорогая и нежная Юлия, верьте моему чувствительному сердцу, которое бьется лишь ради вас... <...> О прелестная подруга моего сердца, будем жить ради любви нашей, в остальном предадимся на волю Божию». См.: *Руссо Ж. Ж.* Избр. соч.: В 3 т. М., 1961. Т. 2. С. 29, 130.

⁹ *Кочеткова Н. Д.* «Исповедь» в русской литературе конца XVIII века // На путях к романтизму. Сб. науч. трудов. Л., 1984. С. 78.

¹⁰ Атений. 1858. № 20. С. 258.

В этих письмах, в отличие от посланий к друзьям, нет места шутке, иронии, пустой болтовне, нет стихотворных фрагментов и пр. Впрочем, за время отсутствия Екатерины Андреевны Карамзин не писал даже любимому брату. Он обратился к Василию Михайловичу лишь 27 сентября 1805 г. (предыдущее письмо датировано 16 июля 1805 г.). Серьезность и полная откровенность, любовная тоска, порывы страсти и томительное ожидание встречи определяют тональность карамзинских писем к жене:

Mon bonheur c'est toi; il n'est pas où je suis, parce que tu n'es pas là (Л. 67).

<...>

Je t'embrasse mille fois en idée, en te serrant contre mon coeur (Л. 67 об.).

<...>

Je sens plus que jamais combien tu m'es chère; mais c'est dire encore trop peu; tu es vraiment tout pour moi dans la vie (Л. 68).

<...>

Tu es presque l'unique lien qui m'attache au bonheur de la vie, et l'amour que j'ai pour toi, fait à peu près toute l'existence de mon coeur (Л. 81).

Перевод:

Мое счастье — ты; его нет там, где я, потому что там нет тебя.

<...>

Тысячу раз целую тебя в мыслях, прижимая тебя к своему сердцу.

<...>

Чувствую как никогда, насколько ты дорога мне; но это мало сказать, ты поистине все для меня в жизни.

<...>

Ты почти единственная связь, которая соединяет меня с блаженством жизни, и моя любовь к тебе составляет все существование моего сердца.

Он находит для своей жены множество тысячу нежнейших имен: «mon amante et mon épouse», «ma chère et douce amie», «mon trésor unique sur la terre», «mon trésor et mon tout» («моя возлюбленная и моя супруга», «дорогая и нежная моя подруга», «мое единственное сокровище на земле», «мое сокровище и мое всё»).

Предельная искренность как единственно возможное отношение друг к другу естественным образом установилась между супругами. Не скрывая от жены буквально ничего, он подробно пишет о своем здоровье, не исключая интимных деталей, связанных с заболеванием кишечника. Особая степень откровенности заставляет его оговориться:

Voilà assez de details sur ma santé: c'est comme si tu étais avec moi, ma bonne amie. Je ne suis pas ridicule, parce que j'écris à celle qui m'aime véritablement et parce que tu l'as exigé de moi (Л. 66).

Перевод:

Вот довольно подробностей о моем здоровье, это как если бы ты была со мной, добрая моя подруга. Я не смешон, потому что пишу к той, кто меня истинно любит и потому что ты требовала этого от меня.

Того же он ждет и от супруги.

Известно, что отношение Карамзина к самораскрытию, к исповеди было неоднозначным, порой скептическим, порой негативным. Исповедальная нота, звук глубоко затронутой душевной струны нечасто раздается в его письмах, адресованных И. И. Дмитриеву, П. А. Вяземскому, брату Василию Михайловичу, А. П. Оболенскому, А. И. Тургеневу, великой княгине Екатерине Павловне, императрице Елизавете Алексеевне. Даже друзьям Карамзин писал сдержанно и немногословно о том, что делается в его душе.

Н. Д. Кочеткова отмечает «недосказанность» как «важный принцип Карамзина». ¹¹ Карамзинское повествование «не превращается в исповедь, хотя местами оказывается очень близким к ней». ¹² В произведении под названием «Моя исповедь» (!) он подверг сомнению «важнейший принцип „исповеди“: предельную искренность». ¹³

Карамзин должен был испытать сильное потрясение, чтобы излить свои чувства, высказать сердце.

В этом смысле его письма к жене занимают особое место. Принцип «ничего не утаю» в равной мере был актуален для Карамзина (как впоследствии для Л. Н. Толстого) и в работе над русской историей, и в семейной жизни. Прямоту и искренность Карамзин считал свойствами своего характера. К тому же сила его любви не оставляла места для сдержанности, хотя его письма к жене скорее не исповедь, а лирический дневник человека, истомленного разлукой с возлюбленной, с другом. ¹⁴

¹¹ Кочеткова Н. Д. «Исповедь» в русской литературе конца XVIII века. С. 77.

¹² Там же. С. 78.

¹³ Там же. С. 96.

¹⁴ Исповедальность и лиризм карамзинских писем были отмечены П. А. Вяземским: «Личность и задушевность выглядывают почти из каждого письма». См.: *Вяземский П. А. Эстетика и критика*. М., 1984. С. 250–253.

В сложившихся представлениях об «историографе государства Российского» порой доминируют некие стереотипы, не отвечающие его облику. Так, даже у авторитетных исследователей принято считать, что весь строй его жизни был «тщательно продуман», что написание «Истории...» было «единственным смыслом его существования и что работал он над ней «систематически, четко и регулярно».¹⁵

Важнее работы над «Историей...» было для него присутствие любимой супруги. В письмах 1805 г. постоянные упоминания о том, что разлука расстроила его организм, лишила способности работать:

Mon régime continue: je ne travaille presque pas, et je me couche à 10 heures (Л. 67).

<...>

Je sors tous les après-dîner pour deux ou trois heures; le mouvement de la voiture me fait du bien, je crois; je ne travaille presque pas, fermement décidé à ménager ma santé, principalement pour ma douce amie — Dieu voit si je dis vrai — et puis pour le succès du travail lui-même (Л. 68 об.–69).

<...>

Si tu pouvais voir tout ce qui se passe dans mon âme, tu te promettrais assurément de ne me jamais dire que j'aime mes occupations autant que toi! (Л. 69).

<...>

Je me couche toujours à 10 heures, mais, malgré cela, les journées me paraissent longues, en partie parce que je ne travaille pas. C'est la seule chose qui pourrait me distraire en ton absence (Л. 70 об.).

Перевод:

Мой распорядок продолжается: я почти не работаю и ложусь в 10 часов.

<...>

Я каждый день выхожу после обеда на два или три часа; думаю, движение в экипаже полезно для меня; я почти не работаю, твердо намеренный заботиться о своем здоровье, главным образом, для моей милой подруги, — Бог видит, правду ли я говорю, — и затем для успеха самой работы.

<...>

Если бы ты могла видеть все то, что происходит в моей душе, ты бы, конечно, решила никогда не говорить мне, что я люблю свои занятия так же, как тебя!

<...>

Я продолжаю ложиться в десять часов, и все же дни мне кажутся долгими, отчасти потому, что я не работаю. Это единственное, что могло бы меня развлечь в твое отсутствие.

¹⁵ Зорин А. Л., Немзер А. С. Человек, который пережил конец света // Венок Карамзину. М., 1992. С. 48.

Он болеет без нее, скучает и томится, беспокоится о состоянии дорог, о работе почты, едва не сходит с ума, не получив вовремя долгожданных вестей. Так, письмо от 21 августа написано в сильном волнении, неровным, неразборчивым от спешки почерком:

Moscou, le 21 août 1805.

<...> La poste de Pétersbourg était venue hier; j'ai tout de suite, comme à l'ordinaire, envoyé l'intendant lire la carte; à 4 heures il était de retour pour m'apprendre qu'il n'y avait point de lettres pour moi! Ton imagination n'est pas aussi lugubre que la mienne. Tu ne pourras donc pas sentir ce que j'ai senti dans ce moment terrible et depuis, pendant toute la nuit et jusqu'à trois heures où j'ai reçu la lettre. Mais c'est vrai, qu'elle n'était point inscrite sur la carte: pourquoi? Je n'en sais rien.

Tu envoyais tes lettres, peut-être, par protection, et plus tard, que les autres; la carte était fermée, et par ce moyen elle pourrait se perdre, et pour cela je l'ai reçue si tard, parce qu'on regarde ces lettres non inscrites comme peu importantes. La disposition fiévreuse où j'étais depuis sept à 6 jours, a contribué à mettre mon imagination en vrai délire: il me paraissait que tu ne pouvais plus exister au monde, et que la maladie la plus sérieuse ne t'avait pas empêché de m'écrire dans cet état.

<...>

Comme j'étais étonné en lisant que tu croyais aussi n'avoir point de mes nouvelles par la poste du 15!

Ton coeur tendre n'a pas osé en accuser mon inexactitude; et il a bien fait.

Si tu savais toutes les précautions que je prends pour qu'il ne t'arrive jamais de ces accidents.

J'ai respiré, mon ange, je suis tout autre devenu quand j'ai vu ta lettre.

Combien j'ai souffert, en sentant si vivement que ta vie m'était infiniment plus précieuse que la mienne! (Л. 83).

Перевод:

Москва, 21 августа 1805

<...> Петербургская почта пришла вчера. Я тотчас, как обычно, послал управляющего читать ведомость; в 4 часа он вернулся, чтобы мне сообщить, что для меня нет писем! Воображение твое не столь мрачно, как мое. Поэтому ты не сможешь почувствовать то, что чувствовал я в ту ужасную минуту и после, всю ночь, и до 3-х часов, когда я получил твое письмо. Но оно действительно не было внесено в ведомость: почему? Не знаю.

Может быть, ты посылала письма по протекции и позже других; ведомость была закрыта, и по этой причине оно могло затеряться, потому я и получил его так поздно, что не внесенные письма почитаются маловажными. Лихорадочное расположение, в котором я пребывал семь или шесть дней, довело мое воображение поистине до бреда: мне казалось, что тебя, может быть, уже нет на свете и как бы самая серьезная болезнь не помешала тебе писать мне в этом состоянии.

<...>

Как был я удивлен, читая, что ты тоже думала, что не получила почту от пятнадцатого числа!

Твое нежное сердце не посмело обвинять меня в невнимании; и хорошо сделало.

Если бы ты знала обо всех предосторожностях, которые я предпринимаю, чтобы с тобой никогда не происходили подобные случайности.

Я перевел дух, мой ангел, я переродился, когда увидел твоё письмо.

Сколько я перестрадал, чувствуя столь живо, что твоя жизнь мне бесконечно дороже моей!

С приездом жены восстанавливаются его здоровье и работоспособность. 27 сентября 1805 г. Карамзин сообщает брату: «По отъезде Катерины Андреевны я скоро занемог дурною лихорадкою и был болен пять недель; совсем было высох и походил на скелет; но слава Богу! дней через 10 по возвращении моей жены натура взяла верх, и я начал выздоравливать. Теперь осталась только слабость. Всю жизнь свою я не имел еще такой долговременной и изнурительной болезни. Дней в пять она отняла у меня все силы и могла обратиться в опасную; но возвращение Катерины Андреевны подействовало не менее лекарств».¹⁶

Третье расставание было связано с поездкой Карамзина в Тверь по приглашению великой княгини Екатерины Павловны, принятому без особого энтузиазма. Это пребывание (февраль 1812 г.) вопреки обыкновению было безрадостным, омраченным расставанием с любимой женой, тяжело переносившей беременность.

Из Твери 25 февраля 1812 г. он написал супруге подряд два письма, не будучи уверен, что первое благополучно достигнет адресата. Эти письма также еще не попали в круг зрения исследователей. Между тем они представляют интерес, живо передавая состояние историографа в тот момент. Карамзин сообщал жене, что добрался благополучно, хотя и с опозданием, и что он очень грустит, покинув свою дорогую подругу, что выехав из Москвы, он оставил в ней все свое счастье. Дорогой он десять раз давал себе обещание никогда больше так не делать. Как всегда, он был дружески принят в Твери доброй хозяйкой и получил от нее записку: «Принц принужден по делам ехать сегодня в Петербург, и любезный учитель¹⁷ угощается завтра поутру в 11 часов. Его приезд мне

¹⁶ Атений. 1858. № 21. С. 339–340.

¹⁷ Карамзин учил Екатерину Павловну русскому языку.

весьма приятен, а принц грустит, что лишается удовольствия с ним беседовать» (Л. 86).

Узнав также, что болен сын великой княгини, Карамзин принял решение назавтра же откланяться и поскорее вернуться. Письмо было передано через князя Лобанова,¹⁸ который в тот момент отправлялся в Москву.

Проводив князя, Карамзин снова берется за перо.

Продолжая уже по-французски, Карамзин называет свою жизнь «как бы приостановленной» («mon existence est comme suspendue») и, надеясь, что в связи с отъездом принца, то есть супруга Екатерины Павловны герцога Ольденбургского, у великой княгини не будет светских раутов, рассчитывает завтра или послезавтра уехать. Впрочем, добавляет он: «Буди воля Божия! <...> Целую тебя нежно с нашими малютками, до скорого свидания. Бог да не разлучает нас во веки. Твой, пока жив, Н. Карамзин» (Л. 91 об.).

Письма Карамзина к Екатерине Андреевне, датированные августом 1812 г. и написанные в связи со сложившейся ситуацией исключительно по-русски, представляют собой актуальный репортаж с места событий, но сочетаются при этом с выражением глубочайшей тревоги за судьбу своего отечества и своей семьи, с чувством беспредельной любви к ним.

Неизбежные волнения за жену и детей отягощены были тем, что бежать «от злобы людей» (Л. 93) приходилось с крошечной дочерью Наташей, названной так в память о покойной ее сестрице (1804–1810).¹⁹

«Злоба людей» не была для Карамзина случайным выражением. За этими словами стояли его нравственно-философские раздумья о проблемах добра и зла в человеческой истории. Как историограф именно в это время он подошел в своей работе к эпохе царствования Иоанна Грозного и отметил, что по воле Бога в борьбу со злом вступает добро: «Меня занимает Иван Грозный, — писал он впо-

¹⁸ Я. И. Лобанов-Ростовский (1760–1831) — князь, русский государственный деятель.

¹⁹ У четы Карамзиных к этому времени было четверо детей: десятилетняя Софья (от первого брака Николая Михайловича), пятилетний Андрей, трехлетняя Екатерина и трехмесячная Наталья. См.: *Карнишина Л. М.* Н. М. Карамзин: Письма 1812 года к жене // Остафьевский сборник. Остафьево, 2005. Вып. 10. С. 14.

следствии великой княжне Екатерине Павловне, — этот удивительный феномен среди величайших и среди наихудших правителей. Какой сюжет, великий Боже! Это стоит Наполеона. Удрученная ужасами его царствования душа моя выпрямляется при виде человека добродетельного, который помещается между тираном и отчизной, чтобы спасти ее, уступает ярости чудовища, но заслужив прежде восхищение веков. Имя этого великого человека (Адашев)²⁰ было едва известно у нас: сердце мое находит много приятности, делая подобные открытия».²¹

В свете этого по-особому стала видеться Карамзину и историческая миссия России в войне с Наполеоном: «Бог через нас истребляет всемирного злодея».²² В письмах этого периода²³ слышна готовность мужественно нести посланное Богом испытание, надежда на его милость, слова молитвы:

Утешайся детьми нашими и молись: не перестаю надеяться на милость Божию, хотя и не люблю обольщать себя малодушно, как другие, которые то бледнеют от страха, то видят Наполеона у ног своих. Моя надежда основана на сердечном уверении, что Господь в одно мгновение может все переменить, постыдить врага нашего и спасти Россию.

<...>

Наши добрые москвитяне изъявляют готовность умереть за честь древней столицы: вооружаются саблями и пиками, купцы, ремесленники, мещане, фабричные. <...> Вчера приехал сюда Платов²⁴ на несколько часов, думая найти здесь государя, и ночью опять уехал в армию. Все казаки идут с Дона к Москве. Нынешний день увидим шар, над которым один немец долго трудился в Воронцове и которым надеется сделать большой вред неприятелю: я не легковверен. Москва пустеет: уезжают и увозят. Воспитательный дом, Оружейная палата, архивы, Межевая, все отправляется. Привезли уже к нам около трех тысяч раненых. Между тем город спокоен и тих удивительно (23 августа. Л. 97–97 об.).

²⁰ А. Ф. Адашев (?–1561), по словам Карамзина, «прекрасный молодой человек», «кого описывают земным Ангелом: имея нежную, чистую душу, нравы благие, разум приятный, основательный и бескорыстную любовь к добру, он искал Иоанновой милости не для своих личных выгод, а для пользы отечества...». См.: Карамзин Н. М. История государства Российского. Репринтное воспроизведение издания 5, выпущенного в трех книгах с приложением «Ключа» П. М. Строева. М., 1989. Кн. 2. Т. 8. С. 63.

²¹ Карамзин Н. М. Неизданные сочинения и переписка. Ч. 1. С. 119.

²² Карамзин Н. М. Письма к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866. С. 169–170.

²³ В РГБ хранятся письма от 17, 21, 23 и 25 августа 1812 г.

²⁴ М. И. Платов (1751–1818) — атаман Войска Донского (1801), генерал от кавалерии (1809), герой войны 1812 г.

<...>

Вчера в 115 верстах от Москвы неприятель атаковал наш арьергард; ожидают, что нынешний день будет решительная баталия. Несмотря на то, я спал почти спокойно. В несколько часов здесь было три курьера из армии. Господь да защитит наше любезнейшее отечество! Молись, бесценная, заставь и малюток наших молиться. Все решится скоро, скоро. Идет дождь: может быть, это лучше для наших. Слышно, что все, от генерала до солдата, готовы умереть. Ставят 5000 тысяч лошадей на станциях от Москвы до Можайска для раненых. Между тем в городе все тихо и спокойно (25 августа. Л. 99).

Лаконичный и максимально информативный стиль изложения (факты говорят сами за себя) сочетается с молитвенным обращением к Богу и признанием Его воли в исходе событий. Историк усматривал в реальном бытии присутствие Божественного промысла. Победа России над Наполеоном представлялась Карамзину доказательством бытия Божия, окончательной победой добра над злом.

Поэтические формулы любви, в прежних письмах выраженные по-французски, обретают здесь язык безыскусной русской прозы, еще более приоткрывая силу и глубину чувства:

Целую тебя со всею нежностью и горячностью моего сердца. Ты мое сокровище и жизнь, люблю тебя гораздо более самого себя. <...> Вся душа моя обращена к тебе и к отечеству (17 августа. Л. 93 об.).

<...>

Бесценный друг! Бог любит меня, когда он дал мне такую жену. Со слезами целую твои строки, моля Всевышнего, чтобы его благодать сохранила тебя и всех нас для лучших времен, если возможно. Береги себя, как ты мне обещаешь: грусти менее; надейся на Отца небесного. Всякую минуту молюсь о России и о нашем семействе (21 августа. Л. 95).

<...>

Катенька бесценная! Прижимаю тебя к сердцу: Господь да блюдет тебя! Маленький образ, тобою присланный, ношу на себе (23 августа. Л. 98 об.).

<...>

Моя ежечасная молитва состоит в чувстве: Боже! Спаси мое отечество и семейство. Целую тебя со всею нежностью и горячностью моего сердца, наполненного тобою (25 августа. Л. 99–99 об.).

В погодинском двухтомнике приведены также краткие выдержки из писем от 27, 29, 30 и 31 августа.²⁵

²⁵ *Погодин М. П.* Н. М. Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников. М., 1866. Т. 2. С. 102.

Лишь в тот день, когда Наполеон подошел к древней столице (1 сентября), Карамзин покинул Москву и выехал в Ярославль, а оттуда вместе с семьей — в Нижний Новгород. Всенародное горе усугубилось для Карамзиных потерей в 1813 г. их единственного на тот момент сына. В том же 1813 г. семейство историографа возвращается в сгоревшую Москву. 1 июня он пишет брату: «С грустью и тоскою въехали мы в развалины Москвы. Живем в подмосковной нашего князя Вяземского; бываем и в городе. Думаем около половины августа ехать в Петербург, чтобы печатать написанные мною томы Истории. Едва ли могу продолжать ее. Лучше выдать, пока я жив. Никаких планов для будущего не делал. Да будет, что угодно Всевышнему».²⁶

Задуманная поездка состоялась только в 1816 г. В Петербург для переговоров об издании «Истории государства российского» Карамзин отправился один. Это была его четвертая разлука с женой.

Два письма Карамзин написал с дороги: 31 января из Твери и 1 февраля из Крестцов. Он сообщал, что они с князем П. А. Вяземским едут благополучно и скоро должны быть в Петербурге, но более писал о своей любви и тревоге: «Милая душа моя Катенька! <...> Ради Бога будь покойна: я мало грущу и надеюсь, что Бог сохранит вас в мое отсутствие <...>. Прижимаю тебя к сердцу, которое более принадлежит тебе, нежели мне. Бог с тобою и с детьми: целую их от мала до велика, а тебя еще гораздо, гораздо горячее» (Л. 21). «Дай Бог, чтобы ты была здорова! Это единственная, по крайней мере главная мысль, моя. Почти беспрестанно о тебе думаю и надеюсь на милость Божию <...>. Люблю тебя более всего, милая, неоцененная. Твой Н. Карамзин» (Л. 22).

Изданные письма (за февраль–март 1816 г.) содержат в себе немало купюр, которые вряд ли можно признать незначущими.²⁷ Пропущенные при публикации и републикации фрагменты — это слова любви и нежности, тоска по милым, тревога за них, оскорбительное ощущение бесполезности своего пребывания, неодолимое желание возвращения. И подпись адресанта: «Навеки твой Н. Карамзин».

²⁶ Атений. 1858. № 24. С. 536.

²⁷ См.: Карамзин Н. М. Неизданные сочинения и переписка. Ч. 1. С. 141–182; Русский архив. 1911. № 8. С. 565–593.

Ненапечатанными остались также две записки Карамзина, не только не пропущавшего почтовые дни, но и пользовавшегося оказией. Одна из них написана через час с небольшим после отправленного в этот же день письма и связана с напрасными ожиданиями аудиенции у государя:

7 марта.

Милая! скажу тебе два слова: я в первом часу здоров совершенно и не получил приглашения²⁸ Государева, вчера мне обещанного. В 11 часов отправил я к тебе письмо через почту. Сто раз обнимаю тебя нежно, благословляю и мать и детей. Бог с тобою и со всеми нами! Твой Н. Карамзин (Л. 53).

Примечательно, что за весь период «петербургской пятидесятиницы»²⁹ Карамзин совсем не писал брату Василию Михайловичу, а к И. И. Дмитриеву отправил только одно короткое письмо от 15 февраля 1816 г. Почти единственным его адресатом оставалась Екатерина Андреевна.

Письма 1816 г. к ней отличаются широтой тематики, многогранностью содержания, хотя все: и картина жизни петербургского света, и придворная хроника, и отношение адресанта к императору, к великосветскому обществу, к недоброжелателям, друзьям и единомышленникам — все дано в отношении к вынужденной разлуке с единственно близким человеком.

Равнодушие государя к подготовленным томам и безразличие к приезду историографа вызвало в нем неодолимое стремление как можно скорее вернуться домой:

По милости Бога мы не умрем с голоду и без Истории; c'est un bonheur que de n'y plus penser: nous serons libres.

Перевод:

Счастье больше об этом не думать: мы будем свободны.

On m'étouffe ici sous des roses, mais on m'étouffe; je ne puis pas mener longtemps un pareil genre de vie...

²⁸ В письме Карамзина от 6–7 марта 1816 г. читаем: «Вот записка от Нелединского: „мне приказано известить вас, что вы завтра (7 марта) приглашены будете к государю“». См.: *Карамзин Н. М.* Неизданные сочинения и переписка. Ч. 1. С. 170.

²⁹ Выражение из письма Н. М. Карамзина к А. И. Тургеневу от 30 марта 1816 г. См.: Русская старина. 1899. Февраль. С. 471.

Перевод:

Меня засыпают розами, но ими душат. Такого образа жизни не могу я долго вести...³⁰

Парадоксально, но в этой ситуации Карамзину не хватает только одного — высочайшего позволения удалиться, хотя порой он оказывается на грани решительного шага. В письме к жене от 2 марта он признается: «...кровь иногда сильно во мне играет» (Л. 45).³¹ Эти и другие пропущенные при публикации строки зримо дополняют облик Карамзина и делают целесообразным издание писем 1816 г. в полном объеме.

Не располагая ответными посланиями, мы лишь по письмам самого Карамзина можем вообразить его адресата, его «верную жену», с которой он жил «в одну мысль, в одно чувство».³² Ее сдержанный и величавый облик, ее любовь и нежность, ее грусть в разлуке и твердость в испытаниях, тревога о здоровье мужа, томительное ожидание его возвращения, безусловное единодушие в мыслях и поступках отразились в карамзинских строчках. В них нашли также выражение глубина и пламенность его собственных чувств, вера в милосердие Бога, понимание сущности любви и семейных уз как абсолютного доверия и искренности, его отношение к детям, к друзьям и неприятелям, его независимость, другими словами — сама жизнь, «нетронутая и нетленная», которая «еще теплится в остывших чернилах», жизнь, «которую захватываешь по горячим следам ее», все «заботы, радости, скорби, эти мимоходные исповеди, надежды, сожаления; все эти едва уловимые оттенки, которые в свое время имели такую полную действительность», все то, говоря словами П. А. Вяземского, что «давно увлечено потоком времени», «сдано в архив давно минувших дел или вовсе предано забвению и в жертву настоящему».³³

³⁰ Текст и перевод здесь дается по изд.: Русский архив. 1911. № 8. С. 578, 582.

³¹ Эти строки цитируются по автографу. При публикации были опущены.

³² См.: Карамзин Н. М. Неизданные сочинения и переписка. Ч. 1. С. 10.

³³ См.: Вяземский П. А. Эстетика и критика. С. 250–253.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Письма Н. М. Карамзина к Е. А. Колывановой

№ 1

Л. 6–7 об.

Bonjour, ma bonne amie.

Avez-vous bien passé la nuit? Etes-vous plus tranquille et moins agitée? Je vous aime tant, que je voudrais vous donner mon bonheur si pur, et prendre en échange pour moi tout ce qui peut vous agiter péniblement, dans vos idées, comme dans vos sensations. Mais alors vous devriez consentir à avoir de l'amour pour moi et me céder la place à cette belle amitié, qui, malgré sa profonde sagesse, ne sait pas vous faire jouir comme je jouis de mon fol amour. Vous gagneriez beaucoup au change, et vous trouveriez que je suis bien à plaindre. Ma générosité seule pourrait alors me consoler de ce changement de rôle, mais il n'est qu'un badinage; soyons ce que nous sommes tout les deux, en attendant l'avenir. Si je mérite votre amour, je l'aurai; si je ne le mérite pas je suis assez juste pour n'y point prétendre et pour me contenter de votre amitié. Je suis sûr et raisonnable en même temps. Aimez-moi comme vous voulez et pouvez: je vous aimerai plus que ma vie et mille fois plus, parce qu'il est si doux d'aimer de cette façon. Je vous prie, ma charmante amie, de m'informer aussi de l'état de santé du Prince: est-il mieux aujourd'hui? Après avoir été le père le plus tendre de ma bonne amie, il aura une partie de ces sentiments pour celui qui adorera sa fille, ce sera toujours le premier de mes droits sur sa bonté. Je vous amènerai ma petite qui dort dans ce moment. Si, en vous voyant, elle commence à pleurer, pensez que par ses larmes, elle vous demande votre bonté et protection. Adieu jusqu'à deux heures, ma très chère amie. Je vous embrasse bien tendrement, malgré votre air imposant.

Перевод:

День добрый, добрая моя подруга,

Хорошо ли вы провели ночь? Более ли вы спокойны и менее ли взволнованы? Я так люблю вас, что хотел бы отдать вам столь безмятежное мое счастье и получить взамен все то, что может тяготить и беспокоить вас, как в ваших мыслях, так и в ваших чувствах. Но тогда вы должны согласиться полюбить меня и уступить мне место этой прекрасной дружбы, которая, несмотря на свою глубокую мудрость, не может дать вам того наслаждения, каким наслаждаюсь я в моей безумной любви. Вы много выиграли бы от обмена и нашли бы, что я достоин сожаления. Одна моя щед-

рость тогда могла бы меня утешить в подобной перемене роли, но она — всего лишь пустая шутка; будем оба тем, что мы есть, в ожидании будущего. Если я достоин вашей любви, я ее получу; если я ее не заслуживаю, то я достаточно справедлив, чтобы не притязать на нее и удовольствоваться дружбой вашей. Я уверен и в то же время рассудителен. Любите меня, как хотите и можете: я буду любить вас более жизни, и тысячекратно более, потому что это так сладко — любить таким образом. Я прошу вас, прелестная моя подруга, уведомить меня также о состоянии здоровья князя: лучше ли ему сегодня? Быв уже нежнейшим отцом моей доброй подруги, он подарит часть этих чувств тому, кто будет обожать его дочь и сие будет моим первым правом на его доброту. Я привезу к вам мою малышку, которая сейчас спит. Если, видя вас, она заплачет, думайте, что своими слезами она молит о вашей доброте и покровительстве. Прощайте до двух часов, моя дорогая подруга. Нежно-нежно обнимаю вас, несмотря на ваш величавый вид.

№ 2

Л. 8.

Je vous prie de me dire un mot sur de votre santé, ma bonne amie. Les premières lignes de votre main, adressées à celui qui veut vivre pour vous aimer, seront couvertes de mes baisers, je vous en avertis d'avance. Vous n'avez pas encore prononcé le nom de l'amour pour exprimer les sentiments que vous avez pour moi; et pourtant je suis déjà si heureux: c'est que je compte sur la bonté de votre coeur: il ne sera pas ingrat. Sans aucune exagération, je peux dire que je vous aime déjà plus que tout. Jamais, jamais je n'ai été plus heureux. La sérénité de mon âme, n'est pas troublée par aucune inquiétude. Il est impossible que mon coeur me trompe; il est impossible qu'il ne devine pas le vôtre; il est impossible que le Ciel ne soit pas en paix avec moi. Ma douce amie, mes yeux se remplissent de larmes. Oui, vous êtes destinée à embellir encor le reste de mes jours, et je mourrai dans vos bras, en bénissant votre bonté et celle de la Providence. En me rendant heureux vous serez heureuse vous-même, j'en suis sûr. J'ose vous presser en idée contre mon cœur. Il ne vous est vous pas étranger, il est plein de vous. Je vous verrai dans deux heures d'ici. Karamzine.

Перевод:

Прошу вас сказать словечко о вашем здоровье, добрая моя подруга. Первые вашей рукой написанные строки, адресованные тому, кто хочет жить, чтобы любить вас, будут покрыты моими поцелуями, предупреждаю вас об этом заранее. Вы еще не произнесли слово «любовь», чтобы выразить ваши чувства ко мне; и все же я уже так счастлив, ибо рассчиты-

ваю на доброту вашего сердца: оно не будет неблагодарным. Без всякого преувеличения могу сказать, что люблю вас уже более всего на свете. Никогда, никогда я не был более счастлив. Безмятежность моей души не омрачена никакой тревогой. Невозможно, чтобы мое сердце обманывало меня, невозможно, невозможно, чтобы оно не разгадало вашего, невозможно, чтобы Небо не было в мире со мною. Моя нежная подруга, глаза мои наполняются слезами. Да, вы предназначены украсить еще остаток моих дней, и я умру в ваших объятиях, благословляя вашу доброту и благость Провидения. Делая счастливым меня, вы будете счастливы сами, я в том уверен. Осмеливаюсь в мыслях прижать вас к своему сердцу. Оно вам не чуждо, оно полно вами. Я увижу вас через два часа. Карамзин.

№ 3

Л. 10–11.

Je te remercie pour ton joli billet, ma bonne amie. Ces expressions sont aussi naturelles que tendres. Je me porte bien, et suis encore mieux au fond de mon âme, remplie de toi. Oui, ma très chère amie, si mon visage représente ce qui se passe dans mon coeur, tu y verras l'expression de la plus douce sérénité. Je suis très heureux et je sens très vivement mon bonheur. J'ai retenu quelques-unes de tes paroles d'hier, qui m'ont fait beaucoup de bien. Tu as une très belle âme, ma douce amie. Sophie est mieux sans être tout à fait bien, et le médecin n'a pas encore été la voir. Dans cet instant je vais me promener et suis très content du temps, qu'il fait. Je t'ai dit combien les sifflemens du vent étaient agréables à mes oreilles. Adieu, chère amie, pour deux heures.

Поцелуй за меня ручку у князя, когда он проснется. Бедная Сонюшка в эту минуту очень больно ушиблась.

Adieu, mon ange. Je te couvre des baisers les plus tendres.

Перевод:

Благодарю за твою милую записку, добрая моя подруга. Эти выражения так же естественны, как и нежны. Я чувствую себя хорошо, и еще лучше в глубине моей души, наполненной тобой. Да, дражайшая моя подруга, если мое лицо явит то, что происходит в моем сердце, ты увидишь на нем выражение сладчайшей безмятежности. Я весьма счастлив и весьма живо чувствую мое счастье. Я запомнил некоторые твои вчерашние слова, которые доставили мне много радости. У тебя прекрасная душа, милая моя подруга. Софи чувствует себя лучше, но ее состояние не совсем еще хорошо, а врач еще не был. В эту минуту я отправляюсь прогуляться и весьма доволен сегодняшней погодой. Я говорил тебе, как завывания ветра были приятны для моих ушей. До свидания через два часа, милый друг.

<...>

Прощай, мой ангел. Покрываю тебя самыми нежными поцелуями.

№ 4

Л. 12–12 об.

Ma tendre et bonne amie, mon cœur te dit bonjour.

Je viens d'ouvrir les yeux, donc j'ai beaucoup dormi. Sophie, après avoir bien passé la nuit, a toussé au matin; mais dans ce moment elle n'est pas triste et s'amuse à mes yeux. Ta pomme lui a fait un très grand plaisir, elle m'a dit et répété qu'elle t'aimait et que tu étais charmante. Pour achever l'histoire de notre l'hôpital, je te dirai que je me suis levé avec un mal de tête, qui commence à passer. J'espère ne pas trembler aujourd'hui et être chez vous, après deux heures sans surtout.

Ainsi finit la partie historique de mon billet. N'ai-je encore quelque chose à te dire?.. Ah, oui!.. Je t'aime, je crois-en plus que de moi-même, si je ne me trompe, et je peux t'embrasser avec beaucoup de tendresse, sans que tu peux m'empêcher de le faire. Adieu, pour deux heures, ma charmante et belle amie.

Перевод:

Добрая, нежная моя подруга, мое сердце говорит тебе: здравствуй.

Я только что открыл глаза, стало быть, много спал. Софи после хорошо проведенной ночи кашляла поутру; но сейчас она не грустит и играет на моих глазах. Твое яблоко весьма ее порадовало, она мне сказала и повторила, что любит тебя и что ты очаровательна. Для завершения истории нашей больницы скажу тебе, что я встал с головной болью, которая начинает проходить. Я надеюсь не дрожать сегодня и быть у вас после двух часов без сюртука.

Таким образом, кончается историческая часть моей записки. Нет ли у меня еще чего-нибудь сказать тебе?.. Ах, да! Я люблю тебя, верю в это более, чем в самого себя, если не обманываюсь, и могу с большой нежностью обнять тебя, и ты не можешь помешать мне это сделать. Прощай на два часа, очаровательная и прелестная моя подруга.

№ 5

Л. 14–14 об.

Ma belle et bonne amie, bonjour.

Sophie tousse toujours, mais elle est assez gaie aujourd'hui. Quant à moi, je suis bien, en attendant le mieux. Je sens vivement et mon amour et mon

bonheur. Je te serre contre mon coeur, plein de toi. Donne-moi de tes nouvelles et embrasse tendrement le Prince pour ton bon ami. Adieu jusqu'au dîner.

Dans ce moment je reçois ton billet, charmante amie, et je t'en remercie. Kruber n'est pas encore venu; mais je l'attends sans impatience. Je te couvre de mes baisers

Перевод:

Прекрасная и добрая моя подруга, здравствуй.

Софи все еще кашляет, но сегодня довольно весела. Что до меня, я чувствую себя хорошо, ожидая лучшего. Живо чувствую любовь мою и счастье. Прижимаю тебя к своему сердцу, полному тобой. Сообщи мне твои новости и обними нежно князя за твоего доброго друга. Прощай до обеда.

В эту минуту я получил твою записку, прелестная моя подруга, и благодарю тебя за нее. Крубер³⁴ еще не пришел, я жду его без нетерпения. Покрываю тебя поцелуями.

№ 6

Л. 15.

Chère et bonne amie, bonjour. Sophie est à peu près comme elle était hier; elle est assez gaie, chante et danse, mais toussant de temps en temps, et pleurant même sans aucune raison. Elle mange aussi bien peu. Mais en général, je suis plus tranquille sur son compte. Ton bon ami se porte bien; il a dormi jusqu'à dix heures et demi. Donne-moi de tes nouvelles, charmante amie. Dis-moi un mot sur la santé de Prince et un autre sur ton amitié pour moi. Je t'embrasse avec une tendresse dont l'amitié la plus tendre est à peine susceptible.

Adieu, chère amie, pour quelques heures.

Перевод:

Милая и добрая моя подруга, здравствуй. Софи почти такова же, как была вчера, довольно весела, поет и танцует, но кашляя время от времени и плача даже без всякой причины. Она также очень мало ест. Но в общем я более спокоен на ее счет. Твой добрый друг чувствует себя хорошо, он спал до десяти часов с половиной. Сообщи мне о своих новостях, милая подруга. Скажи мне одно слово о здоровье князя, а другое о твоей дружбе ко мне. Целую тебя с нежностью, какую самая нежная дружба едва ли почувствовать способна.

Прощай, моя дорогая, на несколько часов.

³⁴ Московский врач.

№ 7

Л. 16–16 об.

Ma bonne amie, je t'ai déjà écrit. J'ai dormi jusqu'à onze heures et demi<e>. Le médecin et le censeur m'ont encore enlevé quelques moments. Tu auras déjà reçu mon billet. La petite et moi, nous sommes mieux aujourd'hui que hier. Tout ce que tu m'as dit hier est loin de me fâcher, au contraire, je ne m'attendais pas à tant de bonté de ta part. Cela n'est pas clair pour toi, mais c'est vrai. Non, charmante amie, nous n'aurons pas de querelle je l'espère et j'ose presque en être sûr. Je t'aime plus que moi-même.

Перевод:

Добрая моя подруга, я тебе уже писал. Я спал до одиннадцати часов с половиной. Врач и цензор отняли у меня еще несколько минут. Ты, должно быть, уже получила мою записку. Малышке и мне сегодня лучше, чем вчера. Все, что ты сказала мне вчера, вовсе не сердит меня, напротив, я не ожидал столько доброты от тебя. Это непонятно для тебя, но это правда. Нет, очаровательная моя подруга, мы не будем ссориться, я надеюсь, и я осмеливаюсь быть почти уверенным в этом. Я люблю тебя больше, чем самого себя.

Л. 17.

Ma bonne et douce amie, je reviens dans l'instant, bien fatigué et avec un mal de tête. Seul, en voiture, j'ai pensé à toi beaucoup plus qu'à ta rivale, comme tu le dis. La peine que je t'ai faite hier, m'en fait beaucoup, beaucoup. Je te chéris plus que tu ne penses et plus que moi-même dans tout les rapports. Je t'embrasse avec toute la tendresse de mon coeur, et je vais passer une triste nuit. Adieu, mon ange.

Перевод:

Добрая, нежная моя подруга, в эту минуту я вернулся, очень усталый, и с головной болью. Один, в экипаже, я думал о тебе много больше, чем о твоей сопернице, как ты говоришь. Огорчение, которое я принес тебе вчера, очень сильно огорчило меня самого. Я дорожу тобой больше, чем ты думаешь, и больше, чем самим собой, во всех отношениях. Обнимаю тебя со всею нежностью моего сердца, и проведу грустную ночь. Прощай, мой ангел.

№ 8

Л. 18.

Ma douce amie, bonjour.

Donne-moi de tes nouvelles et celle du Prince. Nous nous portons bien; mais mon frère, trop fatigué de la route, ne sortira pas aujourd'hui. Je le dis

pour ne pas arrêter le Prince qui voulait aller quelque part. Je dîne avec toi; mon frère est assez raisonnable pour exiger de moi. J'ai du plaisir à lui dire assez souvent combien je t'aime. Veux-tu me dire en retour, combien tu m'aimes? Je t'embrasse comme je t'aime. Adieu, jusqu'à 2 heures, chère amie de mon coeur.

Перевод:

Милая моя подруга, здравствуй.

Сообщи мне новости о себе и о князе. У нас все хорошо, но, брат мой,³⁵ слишком уставший с дороги, не выйдет сегодня. Я это говорю, чтобы не задерживать князя, который желал куда-то идти. Я обедаю с тобой, мой брат довольно умен, чтобы требовать моего присутствия. Я имел удовольствие довольно часто говорить ему, как я люблю тебя. Хочешь ли ты сказать мне в свою очередь, как сильно ты меня любишь? Обнимаю так же, как люблю. Прощай до двух часов, дорогая моему сердцу подруга.

Перевод с французского языка А. О. Дёмина, Л. Я. Сапченко, Л. Ф. Семеновой.

³⁵ Василий Михайлович. Н. М. Карамзин писал брату 9 декабря 1803 г.: «С сердечным удовольствием ожидаю вас в Москву после долговременной разлуки. <...> Не считаю нужным искать для вас дом: приезжайте жить ко мне...». См.: Атений. 1858. № 20. С. 253.